

Баянғали Әлімжанов
Bayangali Alimzhanov
Баянғали Алимжанов

ЖЕР ИІСІ

ЗАПАХ ЗЕМЛИ

THE SMELL OF THE EARTH

*Жыр кітабы - жиырма тілде.
Книга стихов на двадцати языках.
A book of poems in twenty languages.*

ҚАРАҒАНДЫ
2022

ӘОЖ 821.512.122-1
КБЖ 84 (5Қаз)-5
Ә 55

Баянғали Әлімжанов.

Ә55 Жер иісі / Запах земли / The smell of the earth. Өлең, жыр, поэмалар.
Жиырма тілде. / Б. Әлімжанов. – Қарағанды: «Гласир» баспасы, 2022. – 240 б.

ISBN 978-601-7655-48-8

Бұл кітапта Баянғали Әлімжановтың поэтикалық туындылары жиырма тілде жарияланып отыр. Негізінен, әр тілге әр түрлі шығармалар аударылған. Тағы бір ерекшелігі – әлем халықтарына, түгел түрік елдеріне арналған өлеңдері де бар. Адамзатқа үн қатқан қазақ ақынының ізгі жырлары дүниеге қанатын кең жаяр деп үміттенеміз.

Баянғали Алимжанов. Запах земли. Стихи, поэмы. На двадцати языках. В этой книге собраны поэтические творения Баянғали Алимжанова на двадцати языках. В основном, на каждый язык переведены разные произведения. Она интересна еще и тем, что сюда включены стихи о многих странах мира и о всех тюркских народах. Надеемся, что путь доброжелательных стихов казахского поэта, обращенных к человечеству, будет широким и светлым.

Bayangali Alimzhanov. The smell of the earth. Poems. In twenty languages. This book contains the poetic creations of Bayangali Alimzhanov in twenty languages. Basically, different works have been translated into each language. It is also interesting because it includes poems about many countries of the world and about all Turkic peoples. We hope that the path of the benevolent poems of the Kazakh poet, addressed to humanity, will be wide and bright.

ӘОЖ 821.512.122-1
КБЖ 84 (5Қаз)-5

ISBN 978-601-7655-48-8

© Б. Әлімжанов., 2022

ENGLISH LANGUAGE АҒЫЛШЫН ТІЛІ

BAYANGALI ALIMZHANOV

I am a son of a Kazakh

Devoted to the steppe people, I am
Devoted to my native land, I am
You may think I'm rather strange,
But I'm a good son of the Kazakhs, I am!

Oh yes, sometimes I will up and leave –
Countless times, would you believe?
Do you think that's what I really want?
So many life styles you can barely conceive!
But I don't care to be in an another's head.
No, I'll go my own way, don't be deceived!

My kin maybedevils for all i know.
But they're friends to me;it gets me so!
In Allah's name, my dombra came
Quivering soft and humming low,
And my ancestors filled my nightly dreams
And my tiger guard paced to and fro.

Let water forever fill your springs!
Let your hearthfires glow through everything!
Never bend nor yield your path,
Even when life is hard and leaves you nothing!
Let your life be long and always worthy,
Like the endless ballads Kazakhs sing!

Let the steppe song liveforever on!
Let your kids absorb it all day long,

For when I see their faces glow,
My heart brims like the sun switched on.
And I'll spread this joy to all the world
Like a swallow flying on and on.

*Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Қазақтың баласымын.
Аударған Джон Фарндон*

Like wandering clouds

Like wandering clouds, your soul drifts on,
But so quickly all your past is gone!
Where now's that boy by the apple tree
Who reached for the sky so far beyond?

Like those brave riders from days gone by
We in our childhood saddle lie.
'Where are you going, and what's ahead?'
We ask clouds that pass on through the sky.

Sometimes we weep like falling rain;
Our tears a drizzling mist again.
But is therereally a secret truth
That we behave as clouds, or is that vain?

There's sureness in the infinite blue,
But the caravans of clouds scoot through.
Acloudless sky is blank and sad –

Clouds' shapes paint the sky for you.
As they float off over the horizon,
They bear your greetings with them too.

Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Көшкен бұлт. Көңіл.
Аударған Джон Фарндон.

Have you got a friend?

A man complains he has no friend
But is a lack of friendship really the end?
Aren't drifting clouds and spring birds quite
enough?
Can't the great world of life be your friend?

True friendship is a gift of the land.
And though its uplifting winds aren't yours to
command
Even so, despite everything,
The earth is your friend – do you understand?
So ask yourself, when it comes down to it,
Have you ever truly offered your hand?

So do not weep because you feel alone;
If you're by yourself, the fault is your own!
If you cannot give your heart to the land,
Then you'll never see the love it has shown.

Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Досың жоқ па...
Аударған Джон Фарндон.

World full of mysteries

Don't rage so much at life, my friend –
If you give up on it, how can it mend?
And don't give way to grief all day
Or you might lose all faith in the end.

Open your heart's palace just for a while –
What's the worst can come if you smile?
But if you laugh at things too much
Buffoonery becomes your style.

No need to head each beck and call
No need to bow to each and all

Bending all the time like this,
You might end a hump back half as tall.

Don't puff out your chest too far –
When you lie down it will look bizarre.
Don't let a froth of lies go to your head –
What if the bubbles all burst in the jar?

Don't fritter your energy on and on –
What will you do when it's all gone?
And don't give way to reckless abandon
Or sin may be natural before you're done.

Don't lose time blessing your lovely face –
What will you do when sickness takes its place?
And don't fawn and pander to everyone
Or your true love will sink without a trace.

If you swap your beating heart for gold
What will sustain you when you're old?
As long as you sustain belief in yourself
You can enter the other place poor, I'm told.

I don't say it all will be a breeze,
Nor that every meal will please.
Life offers you both pain and joy
And the richest feast of mysteries!

Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Жұмбаққа толы дүние..
Аударған Джон Фарндон.

Wings

Each one of us was with born with wings,
But we don't all learn to fly.
The falcon soars and swoops and swings,
But the rooster barely sees the sky.

Some sell their feathers off for riches,
Making pennies from a plume or two.
Some use them as a broom for ditches
To just sweep the backyard rubbish through.

Some get lost as they head for the sky –
Smothering, snorting, blocking the sun.
Their wings ensnare others before they fly
Tangling, fumbling with everyone.

And there were those who once were gifted
Whose promise might have taken them up and
away
But their wings were smashed before they
lifted.
And their time is past, sad to say.

And there are those who recognize
And relish and savour many things,
Who understand where the sadness lies
In souls that could never use their wings.

*Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Қанат.
Аударған Джон Фарндон.*

Life is interesting...

If you think upcalmly,
Life is enoughinteresting,
Stays funny next day,
Somethingyou angry today.

Life is amazing, and modest,
As the gift of God,
Only by humandeed,
Spoilseverythingby hand.

Be thankful for everything,
Have a good time,
Do not be upset too much,
Laugh and have fun.

Life means chapter
Everyone thinks on their own,
Sacreda tragedy?
Or a laughter holy?

*Translation by Bakhtygul Makhanbetova
Баянғали Әлімжанов. Өмір қызық...
Аударған Бақтыгүл Маханбетова*

Waves and clouds

Curly waves leap over,
The wind blows in the clouds,
When a hurricane strikes,

The waves hit the shore,
The clouds are flying.

A thick cloud of steam,
Refilled as water.
The tide was turned.
Accepted in its own way,
Everything in nature.

Do not go astray from your own way,
Everything in time,
Will come true,
Obey or do not obey,
This is the law of nature!

*Translation by Bakhtygul Makhanbetova
Баянғали Әлімжанов. Толқын мен бұлт.
Аударған Бақтыгүл Маханбетова*

Brook and lake

My sheer clean brook,
Do you go down the river?
Flowing slowly from afar,
The river is getting muddy?!
Absorbed easily by that mud,
Is the stream crying quietly?

Why are you in a hurry to the lake?
My absolutely pure rills!
Can you stay at the stream start?
With the swaying green reeds
Why do you want to go so far?
I do want to cry with you, please!

*Translation by Bakhtygul Makhanbetova
Баянғали Әлімжанов. Бұлақ пен айдын.
Аударған Бақтыгүл Маханбетова*

Eternal duty of the poet -
Awakening of human kindness!
The world is saved by, only if sunshine
Lights of grace and mercy always!

*Translation by Bakhtygul Makhanbetova
Баянғали Әлімжанов. Төрттаған.
Аударған Бақтыгүл Маханбетова*

White hair, white peak

Kilimanjaro!

In the heart of the continent, a snowy peak stands.
How came you to be in these tropical lands
Where skys are made from baobab and bamboo?
Does the black pearl's curse roll from your hands?

The chill, blue ice abuts the sky,
And even the stoutest hearts will sigh.
Yet on the vertiginous mountain's back,
An eighty-two year old man is climbing high.

He's here to learn great freedom's name.
What does he care for fortune or fame?
His Albion home's cast far behind –
An English lion in the lion's game.

The strongest can fall in the tropical quest –
Their spirits crushed by this challenging test.
But he'll be the exception to the rule –
And prove his heart pounds yet in his breast.

But this was never just bravado – no,
He trained hard for success for a year or so.
He was determined to conquer the great white
peak
And gaze on the world from the mountain snow.

His four score years have swiftly flown by –
A life of truth, with no taint of a lie.
And his zest for life remains undimmed.
He's climbing still, still climbing high!

Yet it's as if he's carrying stones up there,
Moving heavily, whispering a prayer.
But he'd rather die here than down below,
And he savours each breath of the mountain air.

He grips the rock with a downward glance,
Panting heavily as he shifts his stance.
No room at all here for any mistake;
The smallest slip and he's gone – no chance!

But the sullen stones are cold and strong.
They've stood firm and resisted for so long.
But the old man clings resolute to their face
To show that this is where he belongs.

His hands are trembling with the years
And the wind is whistling in his ears.
Yet his mind is filled with a dizzying thrill
And his eyes shine bright with happy tears.

You were born with a view of life in sight.
So never step backwards from the fight.
Confront its challenges to the very end
And strive on for its greatest height!

*Translation by John Farndon
Баянғали Әлімжанов. Қария мен қарлы шың.
Аударған Джон Фарндон.*

Ode to Claressa Shields

*For Claressa Shields,
Two-time Olympic boxing champion
and undisputed female light middleweight
champion*

Claressa!
You learned so young that life is full of tests.
It was as though your little heart had been
broken in two.
The world was then so cruel – a heavy stone
that would not move.
But the world began to listen
When it heard the sound of your iron fists!

Those cruel early blows were not enough
To break this small but heroic girl – instead
they would make her tough.
She decided to fight for her life, for her dream,
And became a shining light for the next
generation.

You were still a child, and in a rush to take on
the world.
But the fires of cruelty singed your wings
before you could fly.
The girl whose little heart holds so much love,
Would soon also be known for her fists!

She learned the cruel truth of combat while she
was still so young,

And took all hardships in her stride, always
meeting them head on,
And now the whole world rises to their feet to
applaud
Claressa Shields, as she stands at the very top.

You are an inspiration – you give people new
strength,
Your petite frame contains such grace and
power.
Accepting and mastering the laws of our great
sport,
With your gloves you have conquered the
world!

With bravery you have forged a noble path,
You have reached the top, and achieved
boundless success.
I dedicate this poem to you from the great
steppes, far-away,
I shake your strong hand,
And send the greatest respect from the bottom
of my heart.

*Translated from Russian by Jonathan Campion
Баянғали Әлімжанов. Шилдестың шыңы.
Аударған Джонатан Кампеон.*

Tashenov's Star *Poem*

Blizzard white, winter hard, thick snow,
The north glistens gold, but the men of the
steppe
Melt the ice with breath's stubborn flow.
The steppe forges deep minds and souls of
flame.

Casting back our gaze through the history of
our land,
So many of our native sons went nobly to their
graves,
Sons of Alash in their hundreds, crying out
uran,
Set out against their enemies, the white hot
Dzungar blades.

Now a people, now a nation, they fought hard
as they could,
Against gendarme and treachery, they vowed to
give their lives,
The homeland of our ancestors running red
with blood,
Their foes in untold numbers drawing in on
every side.

Cannons cracked and thundered raining shot
down in a storm,
Ages, eras, epochs shaken to their very core,
To defend our native soil, every sabre gladly
drawn,
May the spirits of our forefathers be praised
forevermore.

In those distant days of subjugation,
When the White Tsars gave neither shield nor
aid,
High functionaries harried our nation,
The less shame they felt, the more riches they
made.

They took tribute from district and oblast alike,
And those who paid most were the first to
advance,
Lawlessness, tyranny brought terrible strife,
And despots and rogues ruled the vast steppe
expanse.
Then Soviet power and iron-willed red leaders,
Brought yet more days of toil and fear,
They wanted to mark up the steppe with their
pencils,
And with scissors make swathes of our land
disappear.

Word of the Soviets spread mile and verst,
Of their tireless advance, their unwavering
force,
Of their plans for the Virgin Lands in the year
of the horse.
That year, fifty-four, as their campaign took
shape,
In a place where bewitching wild stallions ran
free,
Tractors now ploughed up the earth in their
wake.

Great achievements, epochs of lyric and verse,
Soviet people in one single destiny bound,
Yet a troubled time too, a time of despair,
The virgin lands' pride, honour, history, stamped
into the ground.

Sacred graves toppled, torn down without pity,
Our ancient mausoleums and cemeteries razed,
Our ancestral faith, mother tongue, childhood
ditties,
Wrapped in barbed wire, abandoned, decayed.

When the iron ploughshare rent the earth,
Blood poured from Kazakh hearts, though none
paid heed.
One day their souls will heal again,
Let the heart hold out, the wounds repair.
In the name of truest friendship, every deed.

They turned the steppe's black earth upon itself,
Our Virgin Lands now called a *Krai*,
Iron cleaving ancient roots with stealth,
As they wolf down the golden *karavai*!

Then they set their sights on five Kazakh
oblasts,
Five oblasts of our North: for Russia, a gift.
What people would endure such a thing without
protest,
Who, except Kazakhs, could ignore such a rift?

With the strong lies the power, our forbearance
be blessed,
Our people are locked in the Soviet chain.
Five oblasts, the cream of our nation, no less,
A third of our whole noble steppe, our great
plain!

The Soviet Union was ruled by the old,
Khrushchev's bald pate would glimmer and
glisten.
He called the Kazakhs to Moscow to meet, they
were told,
Not for fun, but to state his ambition.

In our Council of Ministers, Tashenov was
Chair,
Khrushchev met him with a pat on the back:

"You and I we are brothers, all we have we
must share,
Land and water, together there's nothing we
lack".

All our people were subject to the Secretary's
power...

"The plough churns up the steppe, from
morning to night.

Our sickle will harvest its fruits, grain for flour.
Why not make your great North, your Virgin
Lands Krai,
Part of Russia, bring together our people, just
like you and I?

So here we all are, awaiting your verdict,
Kunaev himself will have to agree,
The matter is settled, please sign and confirm it.
It's all above board, we just need the decree!"

Jumabek's and Nikita's was the warmest of
friendships,
Together who knows what they might have
achieved?

The Kazakh felt joy at events they attended,
At their table, toast after toast was received.

Many times, chest to chest, they'd shared an
embrace,
Directives from Moscow were never ignored,
But the words uttered now had a new, bitter
taste,
Black clouds were amassing, there was trouble
in store.

"The Kremlin's a fortress, the heavens its peak,
I've followed your orders, I've stayed loyal and
true,
You're in charge, but forgive me, now I must
speak,
I won't let my homeland be riven in two...

I'm spoiling your mood, but your words took
their toll,

In what you have said there's no sense
whatsoever...

The Republic of Kazakhstan will always be
whole,

Its land, its waters shall remain so forever!”

“This narrow-eyed Kazakh isn’t listening to me,”

Khrushchev thought going red, getting angry...
But Tashenov held fast and did not retreat,
Became a *batyr*, channelled Alpamysh,
Koblandy.

All the same, Khrushchev let out a terrible roar,
Shook the Kremlin like thunder and rattled its walls.

“All this land belongs to the U-S-S-R,
Where would you be without this union of ours?
If you don’t do as I say, let me be quite precise,
I’ll strike you low, become your foe, make you pay such a price!

I’ll shackle you in irons, leave you rotting in a cell,
Then, with all my might, I’ll split your head in two as well.

Now Khrushchev struck the table, as he often used to do,
And those around fell silent as pure fear filled the room.
No one dared to gasp or moan, the tension only grew,
As all around wished silently for the torment to be through.

The ears of the Secretary whitened with rage,
The Committee struck hopelessly dumb,
Then Jumabek roared, like a tiger in a cage,
Fists clenched, and ready for a scrum:

“You can chop me into pieces, boil me alive,
Throw me on the bonfire, roast me, rip out my insides,
Smash my bones to pieces, turn my entrails into swill,
But I will not be subjugated to your tyranny, your will.
I won’t surrender one small patch of Kazakh land to you,
Don’t dream of doing such a thing, don’t dream of it...We’re through!”

Not a soul had ever challenged Khrushchev till that fateful day,

Face to face no word of protest ever came his way,

Heads were always nodding, yes the only word they’d say,

So Jumabek’s outright dissent, his failure to obey,

Came like a whip across Nikita’s back: now there’d be hell to pay.

“What’s this all about? What’s all this nonsense for?”

Said the Secretary, then he clenched his iron jaw.

The UN rostrum knew the power in Khrushchev’s heavy fists,

He’d been known to slam them down in fury at moments such as this.

His comrades simply shook their heads,

“You’re right...” they meekly said,

How could anyone object? They’d lose their every privilege,

Better to keep quiet than to offer up resistance.

The Secretary sounded off and thundered red with rage,

Why couldn’t things be like before, why did they have to change?

Lightning seemed to fill the air, like sabres flashing bright,

Then swinging down to sever heads, no easing off in sight...

“I’ll make you suffer till you see the error of your ways,

Your comrades won’t acknowledge you, they’ll simply turn their backs,

We’ll bring you down like decadent elites from bygone days,

A bad dream, that’s all you were to me, you damn Kazakh...

Your words aren’t worth a thing to me, you’re nothing but a pawn,

I’ll pass the decree myself from Moscow, like you were never born!”

When Khrushchev flew into a rage,
The Atlantic froze in fear,
Half the world had seen him in a fury on the
stage,
A whirlwind or a djinn?
It wasn't always clear.

The group closest to Khrushchev,
Tried to gauge the situation,
They stood stock still and bowed their heads,
In fear and trepidation.

Like arrows through the Kazakh's chest,
Came the words: "Keep quiet...",
The voice of fear, its hushed behest:
"Keep your head down, you'll get through it!"

Had he obeyed right there and then,
And let the matter rest,
As a paragon of valour,
They'd have pinned a star upon his chest.

Propaganda would have sung his name,
He'd be known across the nation,
They'd have praised him to the skies, the
snake,
Without the slightest hesitation.

But to defend his land, his home,
Jumabek fought without fear,
He championed the steppe alone,
Jumabek, our great Batyr!

"I'm the child of a Kazakh, son of our native
steppe,
My voice will carry far and wide, cross
continents and seas,
I'll take you to the Hague, I'll tell them at the
Court of Justice,
How you'd like to tear apart our land and then
the pieces seize,
Like a colony, you vampire, to do with as you
please!

Of land God gave the Kazakhs a more than
ample share,
And we will not surrender it to thunder or to
threat,

Our earth will catch inside your throats, drive
you to despair,
Then in your gullets harden and weigh you
down like lead!"

Khrushchev was offended by this gesture of
defiance,
But why get so upset? Times were changing
after all.
Everything was ready, he'd been counting on
compliance,
Had Jumabek said yes, they'd be friends just as
before.

And then five of Kazakhstan's oblasts,
To mighty Russia would have to submit.
By Tsarist weapons they couldn't be mastered,
But one signature and that would be it.

Now the oblasts were out of his clutches,
Khrushchev cursed Jumabek in disgust,
He harried him, hounded him, accused him of
infamies,
Vowed to ruin him, turn him to dust.

As those dark clouds were amassing above,
Not one Kazakh stood fast by his side,
Those who bootlicked him when times were
good,
Said in spite: "Look how you went awry..."

But the Batyr didn't vanish or break,
He lived his life as he had till that moment.
We can't expect the cats, curled up warm
beneath the stove,
To understand the ways of the tiger in repose,
And so Jumabek drew strength to the end of his
days,
Dreaming the freedom of Alash, the end of our
woes.

We are bearers of a history passed down from
age to age,
Legend after legend, wound upon its reel,
And time's lasting judgement, magnanimous
and sage,
Reveals the worth of each of us at the height of
our ordeal.

Tashenov's feat stands higher than any,
He is our honour's flame, our pride.
He faced down the fearsome Secretary,
He saved our land, for you and I.

Had Jumabek thought of himself,
It would have spelt catastrophe,
Ours no more the Kazakh steppe,
Nomad, forest, mountain, lake,
Lands mighty as the sea:

Gone Kokshetau, Burabay, Akmola-Astana,
Kyzylzhar, Pavlodar and so too Kostanay,
Gone the Baiterek tower,
Gone the Virgin Lands Krai.

The greatest of achievements are all by fate
begotten,

A life gifted to the Motherland was our Batyr's
great reward.

He is etched into our history, he'll never be
forgotten,

His achievement was colossal, his immortality
assured.

Though he served the party loyally,

His heart beat a Kazakh rhythm.

Now Tashenov, a shining star,

Burns bright in the sky of freedom!

* *Uran (kaz.) - call, cry, motto.*

Translated from Russian by Robin Munby
Баянғали Әлімжанов. Жұмабек батырдың жұлдызы.
Аударған Робин Манби

**РУССКИЙ ЯЗЫК
ОРЫС ТІЛІ
RUSSIAN LANGUAGE**

БАЯНГАЛИ АЛИМЖАНОВ

Благодарность

Принимая предписание Всевышнего,
Будь благодарен и наслаждайся рассветом,
Не печалься на тревоги бытия,
Будь решителен, коль поднял в небо знамя,
Говори судьбе: «Спасибо и на этом!..»

Наслаждаясь каплей утренней росы,
Свету солнечному благодарен будь.
Вот вдохнул ты полной грудью воздух,
Сколько раз тебе придется так вдохнуть?

Благодарен будь же дню, за каждый вдох,
Благодарен будь за пищу, за уют, за кучу
книг....
Благодарен будь тревожной темной ночи.
Благодарен жизни будь за каждый миг...

*Баянғали Әлімжанов. Шүкірлік.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Кочующийся облака. Душа.

Словно моя душа в небе плывут облака,
Жизнь промелькнет, остаются воспомина-
ния,
Увидев седоволосого старика,
Кто угадает в нем мальчика,

Чьи велики были мечты и желания?

Он подражал героям сказаний,
В детстве на сенокосе, лежа, глядел в небо,
Белые облака, откуда вы, какие земли
покинув,
Куда теперь вы плывете, в былль или в не
быль?

Бывало, что черные тучи лили потоки воды,
Потом улетали, пушистые, белые...
И люди, как облака, живем от мечты до
мечты,
Похожи ли на облака мы, хмурые, смелые?

Баловни вы небес бескрайних, похожи на
лебедей,
Сегодня скопилось вас много, а завтра ни
одного...
Небо без облаков, словно земля без людей,
Кочуют в небесах, огромный мир кочевой...

Кочуют облака, украшая небо собой,
Отвозят от нас приветы таким вот способом
странным.
Ответ будем долго ждать, объятые синевой,
Торопятся облака к далеким народам и
странам.

*Баянғали Әлімжанов. Көшкен бұлт. Көңіл.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Звезды моего детства

Кто знает, как измерить бесконечность?
Я фантазировал...
Мечтал... На землю падал ниц,
Небо и Землю измеряя каждый день...
Не сосчитал я, не измерил эту вечность...
Но понял – нет конца и края – нет границ.

О, безграничность, я – твоя частица!
Как я измучился от мыслей тяжелых,
Что за вселенной множество вселенных...
Кричит моя душа и ввысь стремится...

А это только ветерок весенний,
Он много тайн пригнал, меня запутав,
И в паутину бытия закутав,
Чтобы не вырвался я за предел вселенной...

О бранный мир!
Пространство, мирозданье...
Дана нам жизнь, чтоб воспринять мечту,
К которой я стремлюсь, лелею, чту...
А мира стройное, величественное зданье –
Галактика,
И космос,
Звезды – они как детское мое мечтанье...
И все постичь нельзя, неумоготу...

Я страстно был влюблен вот в эти звезды...
Когда я пас коней в ночи степной,
Я эти звезды чувствовал душой,
Мир освещая, висли в небе света гроздя,
Они мне были родственны, и я для них –
родной!..

Луны не видно, степь, ночная муть...
Не спится мне, пофыркивают лошади,
Над нами Млечный Путь, сиянье звездной
площади...
Как к звездам улететь, и где он – путь...

Мерцают звезды капельками плазмы...
Их очень много, всех не сосчитать.
Вот звездочка упала... Ах ты! Разве
Им можно падать? Смысл их – сиять!

И мне казалось, что они меня зовут...

А утром я прощался с сожаленьем...
И до сих пор они во мне живут,
В моем вот сердце их местоположенье...

Весь мир едва влез в мое сердце,
Все эти квазары, метagalактики, созвездия.
Пол века уж прошло... Все было в детстве,
Так, видно, началась во мне поэзия...

Шум города не утихает ни на миг,
И по ночам мне не хватает воздуха...
Над нами звезды, но почти не видно их,
Они другими стали, мои-то звезды.

Скорей всего, я изменился, я...
И нынешние дети не такие.
Кто тайны неба раскрывает вновь, друзья?
И часто ль смотрят в небо дети дорогие?

О звезды ясные, янтарные, в степи моей
родной!
О звезды детства моего, моей мечты!
Вы ищите ль меня в степи ночной?
Я, маленький, руками тянулся до звезды!..

*Баянғали Әлімжанов. Бала күнгі жұлдыздар.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Мир полон тайн

Не теряйте в жизни надежду
Ведь отчаянье путь в никуда.
Напролет предаваясь унынию
Иссякает вера твоя.
Храм души, нараспашку оставив,
Пребывание радости в чём?
Изо дня бездумная праздность
Лишь обесценит тебя.
Не склоняйтесь повсюду напрасно,
Приклоняться негоже в пути.
Стоит раз позволить прогнуться
И горбатым остаться грешим.
Хвастовством ничего не достигнуть
И гордыню умерить должны.
Всё, что поверхностно
- лживо.
Все обольщенья - пусты..

Неуёмность и всесокрушимость-
Нету пользы от мощи такой.
Водрузив прегрешения тяжесть
Не протянешь с ношей такой.

Не беспечно ль ли самовлюбленность?
Самодовольством везде и во всем
Растратить не стоит усилий
- истинную красоту.

Как страх одолеть в тревоге?
Замкнуться,
уйдя в себя?
Трусливо в норе пребывая,
Изводить напрасно себя?

Да, мир полон тайн и загадок,
и в каждом явлении суть.
Вновь и вновь на пути открывая
всех глубин нам постигнуть дано ль?

*Баянғали Әлімжанов. Жұмбаққа толы дүние.
Перевод с казахского Дидо.*

Нет друга...

Нет друга у нас, - ходим в горькой печали,
Кто мог бы стать другом, что разом пропали?
Великая жизнь, чем тебе не подруга,
Облака кочевые, весной птицы с юга?

Истинная дружба – благословление,
Ветерка поддержка, сила, дуновенье...
Несмотря на проступки, деяния, дела,
Разве не дружба, что держит тебя земля?
Других обвиняя, подумай сперва,
Ты сам, смог, стать другом, душой ни кривя?

Нет друга, не плач, и обид не держи,
Нет друга, себя, только в этом вини.
И если другим дать не можешь тепла,
Душе не проси, у людей ты добра.

*Баянғали Әлімжанов. Досың жоқ па...
Перевод с казахского Дина Ораз*

Крылья

Человек бескрыл не бывает,
Крыльями всех создатель наделяет.
Сокол реет в небесной дали,
Петуху лень взлететь с земли.

Кто-то толк находит для себя,
От продажи пуха и пера,
Некто веник сделав из крыла,
Сор весь выметает со двора.

Вольно крылья не расправить, не взмахнуть,
Друг для друга преграждает путь,
Сколько соколов взмыть в небо не смогли,
Прыгая, судьбу бескрылых обрели.

Одаренным, появившимся на свет,
Выпадает бремя испытаний, бед.
- Вот взлечу, - мечтают они, - хватит сил,
Только время их лишило перьев с крыл.

У тех кто добился всех благ бытия,
Различные вкусы и ценность своя.
Кто поймет всю скорбь, печаль крыла,
Не сумевшего подняться в небеса!

*Баянғали Әлімжанов. Қанат
Перевод Дина Ораз*

Загадка гор, покрытых ночью...

Песня Гёте, влюблённого в ночь,
В ком откликнется эхом, точь в точь?
Но уже другим языком
Станут петь, коль молчать невмочь.

К «Тёмной ночи» свой ключ подбирай,
Вслед за Лермонтовым – Абай.
Все мы разные, ночь одна,
Дело путника, знай, шагай!

И в пределах любой страны
В ясном свете ничьей луны
Гор, покрытых ночью мглой,
Тщетно ищем разгадку мы.

*Баянғали Әлімжанов. Түн басқан таудың жұмбағы...
Перевел Сергей Жилин*

Чудесное состояние

Только стоит встретить тебя,
Мир волшебным покажется вдруг.
Мы пока не одна судьба,
Но сердец слышен перестук.

Напустить бы мне слов туман,
Как я маюсь, когда один.
Так не мучай меня, сама
Всё пойми по глазам моим!

Вроде рядом со мною ты,
Но далёко как солнца шар.
И цветут по земле цветы,
И оттаивает душа.

Это просто смеёшься ты
Или дождь по степи прошёл,
И душа такой чистоты,
Будто неба лазурный шёлк.

*Баянғали Әлімжанов. Ғажайып күй.
Перевел Сергей Жилин*

Единственные

Меж людьми порой расстояния,
Только ищут они друг друга.
Меж луной и землёй сияние,
А летать им всегда по кругу.
У творцов на всё мудрый есть ответ,
Но любим из них лунный свет воспет.

Как неповторим этот вышний свет,
Всё единственно на земле под ним –
Душа человека одна,
И создатель один,
Да не должен делать зла,
Единственный единственным!

*Баянғали Әлімжанов. Жалғыздар.
Перевел Сергей Жилин*

Испытание жизни

А душа давно больна
Сумасшедшим временем,

Ядовитой кровью мир
Вдруг заполнил вены мне.

В каждом чёрный человек
Пробуждает ярость,
Что ни делай, всё равно
Победит усталость.

Как же хочется сломать
Глупость, ложь, коварство,
Но кому когда, скажи,
Помогло бунтарство!

Злоба сокращает жизнь,
Жалко быть просителем –
Лишь достоинство храня,
Выйдешь победителем.

Будь же чистою, душа,
Эшафот ли, подиум –
До последнего свою
Выводи мелодию!

*Баянғали Әлімжанов. Өмір сынағы.
Перевел Сергей Жилин*

Невада – Семипалатинск. Напевы комуза.

Бомбы стали историей и закрыт полигон,
Песнь о мире слагают акыны.
Знает только Иртыш, сколько трав полегло,
Чтобы праздник шумел этот ныне.

И в движении общем Невада – Семей
Осознал мир важнейшее дело.
На комузе о завтрашнем счастье людей
Нам играет киргизская дева.

Мы склоним свои головы, скорбно молча,
Пред отравленной этой землёю,
Где всем миром воздвигнут курган как свеча,
Чтобы всем нам в ладу жить с собою.
Чёрный камень навек стань могилой войны,
Домовиною чудища злого,
А комуз вместе с плеском иртышской волны
Будто в детство уносит нас снова.

Струны нежно красавица тронет и вот
Тени красных холмов будто тают.
Это красное солнце прошло небосвод
И тюльпаны в степи расцветают.

Но и ночью мерещатся, чудятся мне,
Завлекают как будто Стожары
Звуки струн той красавицы, даже во сне
От военных спасая пожаров.

*Баянғали Әлімжанов. Невада-Семей.
Қомызы қыздың күйі.
Перевел Сергей Жилин*

Библиотекарь

Где царит первозданная тишь и близка
Нам святая для книги обитель,
Кладезь мудрости здесь и связали века
Время в тысячи призрачных нитей.

В Храме том опалает святая искра,
Сердце канет в творенья великих,
А поможет хранитель сокровищ – сестра,
Посвятившая жизнь свою книге.

Светят очи её добрым лучиком вам,
В них прочтёте надежду, интригу,
Благонравный читатель внимает словам,
И листает раскрытую книгу.

Пусть сокровище книг библиограф хранит,
Мудрость в каждом здесь прячется слове,
В пожелтевших листах – лет минувших
гранит
Сохраняется снова и снова...

Гимн служителям книг благодарный поём
Милым женщинам. Взгляд их лучистый,
Здесь особенный мир в светлом Храме земном,
И прекрасен их труд бескорыстный!

Тут с портретов и книг лица классиков – ряд
Смотрят каждому в душу пытливо,
Тут духовность живёт и герои царят,
И читатель бывает счастливым...

*Баянғали Әлімжанов. Кітапханашы
Перевел Александр Головки (г. Эссендуки)*

Задача во сне

Учителя, мои учителя,
Мне снятся иногда...
И молоды они, как вешняя земля,
А я – ребенок, и мои года

Лишь начали свой счет,
Со сверстниками балуюсь, играю,
А школа старая – нам теплое гнездо,
Учиться в ней – почет,
Быть маленькой звездой
Я в ней стараюсь.

Но вот, стою я у доски,
И ничего не понимаю,
И умираю от тоски,
Решения не знаю.

Бегут мурашки по спине, по темени,
Я покраснел, решения задачи
Не вижу уже очень много времени,
Никто мне не подскажет на удачу...

Но я-то ведь учился хорошо,
И почему не смог найти решения?
Задумался, напрягся,
Подумай же еще...
И тут я просыпаюсь от волнения...

Что за задача трудная была?
Как сакраментальный вопрос бытия.
Не решить ее, просто умножая и деля,
Ежели не подскажете вы, мои учителя!

*Баянғали Әлімжанов. Түстегі есеп.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Памятники

Когда солнце заходит,
Удлиняются тени предметов,
Они ростом равняются,
Выстраиваются по рангу в цепь.
Вот и памятники
Будто бродят в округе этой,
Гонясь за призраками,

Безумством и благоразумием
Наполняя вечернюю степь...

Человека, пока он жил, испытывала,
Жизнь сжимала в тисках,
Устремилась в небо душа,
Вереща, как птичка, вечерняя.
А теперь не может грустно вздохнуть,
Заклоченная в гранитных камнях,
Или, в бронзу отлитая,
Застыла на веки вечные.

И зачем приковали их к камню,
К постаментам,
Будто мало их в жизни связывали
Незаметно...

*Баянғали Әлімжанов. Ескерткіштер.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Мир каждого человека

У каждого человека
Внутренний мир – при нем...
В сердце,
В сознании,
Есть свое видение.
Другие не могут войти в него, как в дом,
То, что он пережил, это лично его, при том,
Мысли и чувства, радости ли, обиды ли...

И от того, что он пережил несчастья,
Или счастьем
В его полноте наслаждался,
Он может жизнь свою
Разделить на части,
И этими часами, минутами, секундами
Ни с кем не поделиться.

В мир чужой не заглянешь,
Там внутри ничего не возьмешь,
Заблудишься, в бездну канешь,
Потеряешься – там все чужое сплошь.
Так чудесно устроил бог,
Чтоб ты в мир чужой заглянуть не смог.

Этим отделены от тебя

Даже твои родители,
Люди другие, дети,
Товарищи-друзья...
Доверяете сокровенное,
Но доверье это вы видели?..
Посреди бескрайнего мира
Только ты – и другим внутрь тебя нельзя...

Небо и земля делятся
Тонкой линией горизонта,
Синее море качается волнами
В уголках твоих точных глаз.
Весь этот огромный мир
Отдан тебе в подарок,
Если ты сможешь
В душе своей поместить как раз!

Тайну этого дела
Мы никогда не познаем,
Не пойдем до конца,
Не почувствуем, не осознаем.
Под солнечными лучами
Из черной земли произрастаем,
И истины простой
Все равно не понимаем:

Мир создан для любви,
Для счастья, для благополучия.
Мы почему-то все это неправильно
воспринимаем,
Мы высокомерно властвуем, растаптываем,
пытаем,
То, чем по воле случая
Сами же с рождения обладаем?!

*Баянғали Әлімжанов. Әр адамның әлемі.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Океан и печаль

В кораблике легком спускаюсь вниз по реке,
Суденышко утлое нынче мое обиталище,
мой дом.
Закутавшись в облака, как в паруса, налегке
Доберусь я до океана, плыву в пространстве
седом...

Я поделюсь с ним болью, он должен меня
понять,
Когда он поймет меня, во мне вдруг погаснет
печаль...
Отчего мы такие подлые, несчастные... \на
кого пенять?\
Почему мы такие, скажите, отчего нам себя
не жаль?

Вот я грустный пришел к океану, а он
оказался грустнее...
Кто же его так обидел, бросив грязь в его
светлые волны?
Можно ль душу мою излечить, и кому все
понятно, виднее,
Если дальше уплыть по воде, будет ли также
больно?..

Но куда бы ты ни убежал, не уйдешь от себя
самого,
Вот он берег чужой, ты ступил на
неизвестную землю...
Жизнь одна осталась там, за океанскою
синевой,
Небо связывает тебя с ней, энергию твою
приемля.

Это небо синее –
Остается с тобой навсегда – веры нет
вернее...
И никто не возьмет на себя груз твоей
судьбы,
Лишь в тебе твои силы великие, только в
тебе, поверь мне!..

*Баянгали Әлімжанов. Мұхит пен мұң.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Подними голову

Если споткнулся вдруг,
То сильно не грусти,
Вставай, отряхнись, мой друг,
И дальше, вперед иди.

Падали и до тебя,
Поднимались, ношу тащили.

Боль, униженья терпя,
Рвали рубашки и жилы...

Всех героев знает народ...
Упал, обнимая землю.
Земля под тобою, под...
Пока тебя не приемлет...

Бери пример с журавлей,
С криком парящих в небе,
Уж листья желты, на земле
Лежат, перед взмахом в небыль.

Они, может быть, ждут весну,
Весь сад покрывает изморозь вся,
Готовятся к зимнему сну,
Все, кто устал, кто выдохся.

Печаль может душу разесть,
Тревоги, переживания,
Они будут, пока ты есть,
Пока у тебя есть желанья.

Вставай, поднимайся, твердо
Встань на ноги, вот оно – зло,
Вначале ему повезло,
Так бей его прямо в морду...

Когда капкан его сцапал,
Волк волей свободы гоним,
Отгрыз напрочь бедную лапу,
И с тем возвратился к своим...

А если плакать и ныть,
Обидеться, боль не терпеть,
Сгорит все, и жизни нить
Порвется, как ржавая цепь.

Сейчас ты в расцвете сил,
Скалы, горы свернешь,
Раз цель себе провозгласил,
Так сам к ней придешь, дойдешь.

Так... Голову подними...
Все силы зажми в кулак...
Вокруг вопят... Подлый миг...
Крик людей, лай и визг собак...

Свет надежды горит, нележки
Шаги твои: «...восемь... девять...»
Судьбу самому надо делать...
Повыше держи кулаки!..

*Баянғали Әлімжанов. Басыңды көтер...
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Белый снег

Белый-белый снег идет...
Хлопьями,
Как совесть, чист...
Кружатся,
Садятся незаметно, медленно.
Я по улице иду один,
Душа поет,
Настроение отменное...

Ах, моя душа, сегодня ты
С небом и землей,
Едина биенья сердца частота.
Слились, как близнецы...
Белый-белый снег,
Кем ты порожден?
Из каких лучей такая чистота?
Кто такого счастья кузнецы?

Ветхий, запыленный
Устаревший мир
Снег очистил в этот славный день.
А не хочешь мой друг,
Возвысить душу,
В небо улететь,
Туда, за облака,
Даже в дальний космос,
Чтобы потом
Возвратиться к нам,
Воплотившись в снега
Снежинки, хлопья, белые космы...

*Баянғали Әлімжанов. Аппақ қар.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Номер и жизнь

Знает только бог,
Позволив беспредел любителей...
Люди ж презирают
Гордыню, что чрезмерна,
И делит победителей
На первых,
Вторых
И третьих...
Обозначив так, начали они
Нумерацию истории бессмертных...

Почему так быстро
Мы привыкли к нумерации,
Осудив пороки,
Приговор высокий,
Жизнь не вмещается ни в срока, ни в сроки...

Миллионами
Гнали людей на погибель,
Душили газом,
Жгли,
Не оставляя зерен на колосках,
Уничтожал все вокруг победитель,
Глотал,
Глодал,
Творил историю,
Надеясь
Застрясть в веках.

С ними сражались герои,
Плача от несправедливости,
Истины нет на свете,
У правды руки оторвав,
Все началось еще с Трои,
Отцов,
Матерей,
Дедов,
Бабушек пронумеровав.

Оракулы кричат в микрофоны,
Творится всемирный разгул,
Счетчики сбились со счета,
Жир им мозги затянул,
Реклама со времени «она»,
Купила основы закона,
В первых рядах иерархи,

Олигархи, монархи –
Прячутся за частоколом дул.

Нумерацией
Измерено наше время,
Поезда, вагоны нумеруют,
Номера концлагерей Гулага...
Считать по головам людей –
Плохая примета у казахов.

Во имя справедливости вечной,
Поймите, мир безграничен,
Где б не был ты,
В Москве иль Рима,
Есть истина человеческая,
Каждый человек – единственный,
Первый, неповторимый.

*Баянгали Әлімжанов. Нөмір мен өмір.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Ты не меняйся никогда

Когда тебя впервые встретил я?
Вот мысленно обзираю жизнь,
Жизнь прожили до этого вот дня,
Отдал тебе я часть своей души...

Прекрасная моя, как солнце ты,
Я утром разглядел тебя, с рассветом...
С ума меня свела, той внешней красоты
Был образ, словно призрак, и при этом

Была видна в тебе и стать, и род,
Ты – благородная происхожденьем,
Наполнив душу светом, будто кислород
Глотал я свет, охвачен вождельем.

Мой светоч ты, пришедшая весной,
Где те лучи, где свет, любимый мной,
В одно мгновенье все исчезло, той порой,
Мгновеньем тем живу я, боже мой!

И в каждом слове слышались стихи,
В глазах играли солнечные лучики,
А вечерами, под луной, тихи,
В глаза твоих играли эти лунчики...

Как быстро пролетела жизнь, так быстро,
Что не заметила моя душа, как прежде
молода!..
Я изменился, но в глазах все те же искры,
А ты не меняйся никогда!

*Баянгали Әлімжанов. Сен ешқашан өзгерме.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Корни

Воспевали поэты,
Восхищались красотами
Борового,
Я свидетелем был
Происшествия простого, земного,
Вдруг упала сосна от сильного ветра,
Ее корни росли меж камней,
Комель не удержал это дерево,
Наверх вылезло много корней.

Хоть упала сосна,
Продолжала она зеленеть,
Корни в землю вцепились,
Неся к веткам сочную снесь,
Я впервые увидел,
Как прижалось к земле это дерево,
Оставаясь зеленым,
Оно вечнозеленое ведь!..

Оно верило в то, что
Вернется счастье из тьмы, издали...
Никакие ветры и беды
Оборвать корни те не смогли,
Один длинный, витиеватый,
Но мощный корень
Через камни, разбив их, прошел,
Добрался до родной черной земли...

И какой бы тяжелый груз
Не пришлось бы тебе поднять,
Под какими бурными вихрями времени
Не пришлось бы тебе стоять,
Где бы ни был, чтобы вокруг не творилось,
Корни милой родной земли –
Твой отец и мать!

*Баянгали Әлімжанов. Үзілмеген тамыр.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Зимний лес Кокше

Трещит мороз суровый, холод сильный,
Трещат от снега, ломаясь, деревья ветви
синие,
Плывут вершинами куда-то сосны ввысь,
Их кроны с облаками переплелись, все в
инее.

Мороз и голод выгоняют из логова зверей,
Следы ночные на снегу отчетливо видней,
Идет охотник по следам, охота – его страсть,
Следы читая, словно книгу, и нет письма
верней...

Вот белка к звонкому стволу прижалась
тесно,
Сосна гудит, зверек услышал эту песню,
Матерый волк ступает мягко в сугробах
синих,
В снегу от лап его печать, роспись известна...

Пугливый заяц под сугроб, под одеяло
Забился, скрылся, здесь его и не бывало...

И не поймешь, откуда вдруг такая сила
В ничтожной птичке, что вдруг дробью лес
огласила,
Клюв дятла долбит в ствол сосны,
И как будто жизнь леса в этом звуке!

*Баянғали Әлімжанов. Көкше. Қысқы орман.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Старик на снежной вершине

*«Килиманджаро – покрытый вечными
снегами горный массив, высотой в 19 710
футов, как говорят, высшая точка Африки.
Племя масаи называет его западный пик
«Нгайэ-нгайя», что значит «Дом бога».
Почти у самой вершины западного пика
лежит иссохший труп леопарда. Что
понадобилось леопарду на такой высоте,
никто объяснить не может...»*

*Эрнест Хемингуэй.
«Снега Килиманджаро»*

Килиманджаро!

Вершина снежная на жарком континенте,
Откуда в тропиках снега и льды?
И черные жемчужины при ярком снежном
свете
Летят на лыжах из бамбука и баобаба,
бороздя следы.

Ледник на пике синий смотрит в небо,
Пугая холодом отважных... Не смотрим
вниз...
Сюда однажды леопард забрел, пятнист...
И вместе с нами поднялся к вершине,
чего здесь раньше вовсе не было,
Восьмидесятидвухлетний альпинист...

Не попусту он путешествует по миру,
Решил прославить свое имя на весь свет?
Туманы Альбиона скинув в сырой квартире,
Английский лев забрел на черный континент.
Допрыгнул бы и до луны, да прежней прыти
нет.

Он не шутил с вулканами, с экватором,
Огонь в груди повел его на доблестный
пример,
И до того известен был суровым он
характером,
Он испытал себя, и доказал, что старость –
не барьер.

Его вели долг чести, воля честности,
На тренировки он потратил каждый жизни час,
Чтобы с вершины ледяной увидеть мир и
окрестности,
Стоит старик и ухмыляется на нас...

Пусть восемьдесят лет прошли, как миг
один,
Пусть жизнь обманчива и лжива, и краток
век.
Он брэнной жизни вольный господин,
И по скале отвесной, вертикальной ползет
он вверх!

Как будто камень тяжкий на плечах,
Он медленно ползет, молясь всевышнему
творцу...

Назад пойти... Но это вниз... И боль и страх
Ведут вперед, к вершине, к началу, не
концу...

А если умереть, так лучше уж на высоте...
Подъем зажал его, словно тиски,
Завис под камнем, руки, ноги уж не те,
Скользнет нога, и застучит в виски...

Он сам, как камень, крепок и могуч,
Он камня холодней, он крепче стали...
Цепляясь за веревки, почти лишившись
чувств,
Я и старик взошли и на вершине встали!

Дрожали ноги, мы переживали сладкий миг,
И ветер бьет в лицо, шумит в ушах,
И радуется миру бешеный старик,
И улыбается счастливо, огонь в его глазах.

И ты не леопард, а бранный человек,
В какой живешь дыре на этом свете...
Ты знай, не только низ, а есть еще и верх,
Возьми свою вершину, их много на планете!

*Баянғали Әлімжанов. Қария мен қарлы шың.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

Дунай

Дунай,
Дунай...
Дуние-ай!*

В густом лесу исток его,
Крался меж скал, меж камней родник,
Разлился вширь, как море - волшебство,
Способный неба ученик!

Он в дружбе с десятью народами,
Безостановочно течет вперед,
Наполнен не одними водами,
Богатство в нем не знает счет.

Днем солнце плещется в волнах,
Ночами на волнах – Луна,
Весь мир ночной в прекрасных снах,
Качает колыбель-волна.

Качают волны в тугаях
Стволы задумчивых деревьев,
Сережки виснут на ветвях,
Как на ушах весенних дев...

Течет великая вода,
Неся народам жизнь и лад,
Порывы ветра иногда
Энергию твою смиряют.

Над той зеркальной водой
Забудешь о своих печалях,
Сквозь десять стран поток речной
Течет, не исчезая в даях.

Дунай, мы знаем, голубой,
Жизнь расцвела на берегах,
В десяти странах он, родной,
Одна любимая река.

Дунай,
Дунай,
Дуние-ай!

**Дуние (древне тюрк., каз.) – жизнь, мир, вселенная.*

*Баянғали Әлімжанов. Дунай.
Перевел Орынбай Жанайдаров.*

АБЫЛАЙ ХАН И КЕРЕЙ ЕР ЖАНИБЕК (легенда)

Веря только в бога одного, Аллаха великого,
Тача сабли об скалы, под луною клинками
кликая,
Львы-батыры казахские собирались вокруг
Абылай хана, клянясь клятвой, ураны*
выкрикивая.

Много славных батыров погубило в
сражениях,
Много бед претерпели дети Алаша, были и
поражения,
Все приблизить хотят счастливый канун?
И в одном бою погуб конь лихой под Абылаем,

Пикой в бок был сражен незабвенный
верный скакун.

Хан упал с коня, закачался его гордый флаг,
И вся жизнь перед ним промелькнула за миг,
вот ведь как.

Абылая, который стал пешим, едва встал он
с колен,
Собрались окружить калмыки, захватить
его в плен.

Из-под лошади выбрался хан: «Одолеет
казахов враг,
Вот и жизнь позади...» - стал уж думать
Абылай, сделав шаг.

Но выдерживает испытанья герой, а верблюды
– тяжкий вес,
В пылу битвы не до разговоров, мысль об
одном,
Смелый хан смерть увидел лицом к лицу,
как она есть,
И уже приготовился лично сразиться с
врагом.

И от злости лицо покраснеет, взревет в
тоске,
И страшнее смерти для джигита гордость и
честь,
Видя, что жизнь хана повисла вдруг на
волоске,
Тут слышался возглас: «Алдияр!** Я
здесь!...»

Это Ер Жанибек, батыр, совсем юный
джигит,
Он из гущи сражения вырвался, к хану
спешит,
Спрыгнул он с коня своего, предлагая хану,
Жеребца – донена**, испытанного, как щит.

«Оседлайте скорей!», - Жанибек хану
говорит, -
Люди ждут вас, вам трудный путь еще
предстоит!...»
«Сам останешься пеший?..» - ему отвечает
хан,

«Что судьбой предначертано, то увижу!» -
сказал джигит.

Хан сказал: «Я поспешно убежать один не
смогу,
Я достичь должен цели, но не ценой любой.
Как спасаться, товарища бросив врагу,
И трусливым прослыть не хочу, я не такой!»

Жанибек при этом потупил свой огненный
взгляд,
Потом прямо сказал: «У каждого свой чин
и ряд,
Такой хан, как вы, необходим нынче народу,
Я помру, так бабы новых батыров вам
народят!

На казахов со всех сторон надвигается беда,
Так спасите от бедствий народ, на века, на
года!»

«Не уйду, - отвечает Абылай, - я буду
сражаться,
Биться рядом с тобой мне не составит
труда».

Жанибек же ответил: «Не позволю попасться
в плен!
Сам вас здесь зарублю, контайше оставлю
лишь тлен...»

Уа, господин, от того, что и я, и вы
Здесь сегодня погибнем, будет мало толка,
Народ останется без головы,
С ума сойдет от тяжелой молвы,
И я, и вы не исполним долга.

Если хотите спасти народ,
Нашей земле дать прирост и приплод,
Так вперед, на коня, поспеши,
Жанибек – твой товарищ от всей души!»
С такими словами герой Жанибек
Хана в седло посадил... «В набег! –

Крикнул коню, и по крупу кнутом
Ударил зверюгу в порыве крутом.
А кнут у него был из тобылги,
Давай! Вождя нашего сбереги.
Достаточно было удара той плети,

Помчался жеребец быстрее ветра.
Не оставляя на земле теней,
Стрелы стремительной быстрой, точней,
Копыта параллельные звенят,
Ударят в грунт, там искорки горят,
Разгорячен и лют, как в гневе бес,
Не трогая кустов, седых ветвей,
Не задевая белых ковылей,
Не вырывая из земли корней,
Взлетел, как птица, белый жеребец!

Взлетел, как ветер, белый жеребец!
Судьбу народа, хана, государства,
Историю и жизнь степного ханства,
Взял на себя хан, как берет отец,
Взлетел под небо белый жеребец!

Храня казахский каганат,
Натянут, строен, как канат,
Заложник племени Алашей,
Спасая Абылаю честь, как говорят,
Унес собою достоянье наше,
Из пасти бешеной валились клочья пены,
Не дав врагам коснуться даже его тени,
В единый миг отдав все силы здесь,
Взлетел над степью белый жеребец!

Две его ноздри, как меха, широки,
Два его легких пышут, глубоки,
Пегас так крыльями махал,
Тулпар воздушный в небе мчал,
Долину миновал и лес,
Всю душу в этот бег отдал,
Летел над степью белый жеребец!

И через тучи черный дым,
Прорвался он прыжком одним,
Дух поддержал, крут, как гора,
Земля толкнула вверх – пора!
Спасая жизнь хана Абылая,
От смерти лютой прочь взмывая,
Промчался белый жеребец!

И развернулся Жанибек к врагу,
Поднялся на вершину ближней горки.
Любой силен над пешим, втопчут в грунт,
Поиздеваются, как смогут, с толком.

И одинокому – обороняться только
Приходится, кругом вражье, калмыки,
Увидев, что один, к нему, как волки
Тут устремились, направляя пики.

Но Жанибек джигит был не простой,
От крика шерсть врагов легла ничком,
Когда калмык ударил булавой,
То Жанибек отбил удар щитом.

Потом схватил врага за длинный чуб-бунчук,
С коня швырнул под ноги, словно шапку,
В пыль бросив, придавил, убил, как шавку,
И на коня его воссел, победных полон
чувств...

Когда под ним вновь оказался сильный конь,
В глазах батыра вспыхнул злой огонь,
И кто в степи теперь сильнее его?
И выкрикнул уран-призыв Ер Жанибек,
В джигита силы Небо - Тенгри влило с
синевой...

И поддержали Жанибека духи мести,
Он торгоутов крепко бил, месил, как тесто,
Из окруженья вырвался на волю,
У правого колена хана занял место...

О прошлом знаем множество легенд,
Они нужны, сокрыта в них история...
Пускай прошло бесчисленно много лет,
Мы вспоминаем, в назиданье, часто споря.

Смерть была рядом, но не размышляя,
Коня отдал по-рыцарски степной боец...
Благополучно вырвались, спасли великого
Абылая
Батыр и его белый жеребец.

И вот красуется на пике белый вымпел
крепкий,
Не ради славы, ради жизни, будущей
свободы.
Благодарю за подвиг наших славных
предков,
Не о себе ведь думали, а о народе.

**Уран (каз.) – призыв, клич (обычно имя предка героя или название рода)*

***Алдияр (каз.) – господин, правитель.*

****Донен (каз.) – четырехлетний жеребец.*

*Баянғали Әлімжанов. Абылай хан мен керей ер Жәнібек
Перевел с казахского Орынбай Жанайдаров.*

ПОЭМЫ

Звезда Ташенова

Поэма

Белый буран, зима крепка, плотен снег,
Сверкает север, как золото, но упрямо
Лед растопит дыханьем степной человек,
Степные парни умом глубоки, их души, как
пламя.

Если в историю заглянуть подальше, за
экран,
Ради земли родной погибли сотни сынов,
Сыны Алаша шли против врагов, крича
уран*,
Против джунгарских сверкающих жарких
клинков.

Стали народом, стали страной, сражались
крепко
Против жандармов, их обмана, клялись
родной степью,
Красной кровью окрасилась земля наших
предков,
Врагов было много, надвигались они
плотную цепью.

Гремели пушки, ядра швыряя, словно мячи,
Перетряхивались эпохи до самых корней и
основ.
Защитили родную землю сабли-мечи,
Тысячи благодарностей духам дедов!

В те далекие времена несвободы,
Не находя защиты и помощи у белых царей,
От чиновников в орденах страдали народы,
Те брали богатства и не стеснялись роли
своей.

Районы и области им дань платили
безусловно,
Кто больше платил, те становились всех
первей.

Терпели от пришлых самодурство и
беззаконие,
Кому не лень, те хозяйничали на просторах
степей.

И вновь наступили тяжелые дни беспокойные
От власти советской, от несговорчивых
красных вождей.

Они хотели карандашом степь расчертить,
Чтобы ножницами отрезать части земли
твоей.

Слава о них гремела за километр, за версту,
Они были вперед беспокойно устремлены.
В год лошади началось освоение целины.
В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом
году,
Там, где носились вольные волшебные
скакуны,
Гусеницы тракторов рвали грунт на ходу.

Великий труд, великие эпохи поэмы
Объединили советский народ судьбой
одной.
С другой стороны – большая беда, такое
время,
Что в землю втоптали гордость и честь, и
историю той целиной.

Бульдозеры сносили святые могилы,
Разравнивали древние кладбища и мавзолеи,
Религию предков и язык твой родной и
милый
За колючей проволокой спрятали, не лелея...

Когда железный лемех взрезал земляной
грунт,
Из сердец казахов лилась кровь, никто не
заметил....
Когда-нибудь заживут раны души,
пусть выдержит сердце, спрятав под грудь...
Во имя истинной дружбы делалось все это...

В огромной степи перевернули черную
землю,

Стала Целина называться – Целинный край,
Железом взрезали древние корни, не медля,
Готовы сожрать миллиардный золотой
каравай!

Тогда и задумали пять областей нашего
Севера,
Пять областей казахских отдать России...
Какой народ молча стерпел бы, веря - не
веря,
Кто, кроме казахов, мог молча стерпеть
такое насилие?

У сильного - власть, благослови терпение
наше,
Томится народ на железной советской цепи.
Эти области прекрасны, как сливки в чаше,
Третья часть всей нашей огромной степи!

Советским Союзом руководил старший в
народе,
Сверкала лысина Хрущева гениально.
Он позвал в Москву казахов, на совещанье
вроде,
Конечно, не для угощения, а специально.

В то время Ташенов был у нас Предсовмина,
Его Хрущев приветствовал, похлопав в
спину:
«Нам ли что-то делить, мы же братья, у нас
все едино,
Земля – одна, вода одна, все как по чину».

Власть секретаря распространялась на
народы...
«Плуг взрывает устаревшие степные
породы.
Серпом золотым мы соберем плоды и зерна
природы,
Я вам предлагаю присоединить Север –
Целинный край,
К России, что совсем объединить наши
народы.

Вот только ваше постановление мы все
ждем,
Вынужден будет подчиниться сам Кунаев,
Вопрос решенный, ваша подпись

сегодняшним днем...

Все по закону, занести на бумагу мы
желаем!»

Был Жумабек с Никитой в больших друзьях,
Много дел интересных могли бы сделать
вдвоем...

На многих праздниках от души веселился
этот казах,
Много шуток, тостов прошумело за общим
столом.

Много раз они обнимались грудь в грудь,
Задания центра исполнялись без колебаний.
Но у этих слов совсем иная возникает суть,
Черное небо нависло на плечи – час
испытаний...

«Кремль – дворец, подпирающий небеса в
зените,
Я много раз заданья ваши исполнял лично
сам.
Вы – руководитель, ваше слово – закон, но
извините,
Как я могу родную землю делить по частям...

Я настроение вам испорчу, я тоже устал,
И справедливость в ваших словах не
виднеется...
Всегда единая республика Казахстан,
Ни земля, ни вода у нее не делится!»

«Не слушается меня этот узкоглазый казах»,
-
Хрущев покраснел, разгневался, хотел уже
в крик...
Но Ташенов не отступил от того, что уже
сказал,
Он стал батыром – дух Алпамыса и Кобланды
вселился в него тот трудный миг.

И все же Хрущев разразился громким
криком,
Качнувшем башни Кремля громом великим!

«Вся эта земля принадлежит Эс-эс-эс-эру,
Что бы было с вами без нашего Эс-эс-эс-эра!
Если не выполнишь сказанного, я тебя к

примеру,
Всего лишь, стану врагом твоим, дам
высшую меру!
Закую в наручники, в кандалы, спрячу в
тюрьму,
Плешь пробью на голове, я тебя пройму!»

И Хрущев ударил по столу, как бывало,
Окруженье его в сильном страхе молчало.
«Охни» иль «ахни», тут же тебя, как ни
бывало...
Молчи и мечтай, чтоб гроза миновала.

И молчали члены ЦК, словно онемелые,
А уши Хрущева в гневе были белые-белые...
И тут Жумабек, как тигр, рявкнул в голос,
Сжав кулаки, едва сдержав кулаки свои
смелые:

«Можешь меня разрубить на части, сварить
живьем,
Брось на огонь, изжарь меня, испытай огнем,
Кости мои раздробь, пепел развей,
Не подчинюсь самодурству твоему, воле
твоей,
Земли казахской я не отдам ни кусочка,
Пусть и не снится такое тебе, не снится!.. И
точка!»

Хрущеву до этого никто и никогда не
возражал,
Лицом к лицу не противостоял, не
протестовал,
И головы, осуждая, не качался овал,
Так что ответ, что Жумабек вдруг прокричал,
Словно камчой резанул Никиту, такой,
значит, скандал.

«Это что же за такие дела, откуда?»
Зубы стальные сцепил генсек покуда,
Кулаки огромные, в ООН трибуну крушили
еще...
Вот и показал нрав крутой свой Хрущев,
Его товарищи лишь покачали головами,
«Правильно говоришь...» - они прошептали,
Как возразить?... Тут же лишишься всего,
Шума б не было, успокоить надо его...

Шумел, гремел во всю красный, от злости,
красный секретарь,
Очень хотел, чтоб все было как когда-то,
встарь,
Казалось, молнии сверкали, словно сабли,
Готовы головы снести, еще не ослабли...

«Ты пострадаешь очень сильно, поймешь
свою ошибку,
Многие теперь не узнают тебя, не подадут
руки,
Бросим тебя вниз, как швыряли грамотных
слишком,
Я тебе теперь лишь присниться могу, вот
какие вы, казахи...
Что мне твои слова, ты же кукла тупая,
Я сам издам указ из Москвы, тебя и не
вспоминая!»

Когда гневался сильно Хрущев,
Атлантика замирала в страхе,
Полпланеты помнили гнев его слов,
То ли вихрь он, то ли джин, однако.

Группа самых - самых к нему близких
Замерла, исхода ждуть,
Страх – велит стоять им низко,
И не до восторгов тут.

Будто стрелы в грудь казаха
Врезались: «Будь же потише...», -
Будто шепчет голос страха:
«Голову склони пониже!»

Если б подчинился, тут же
Без шумов и без скандала,
Как пример великих мужеств,
На груди б звезда сияла...

Зашумела б пропаганда
О тебе, великой личности,
Вознесли бы тебя, гада,
До небес без всякой лишности.

Ради земли своей родной,
В сраженье вышел Жумабек,
Один ради страны степной,
Батыр бесстрашный Жумабек!

«Я ведь сын казаха, дитя родной степи,
Мой глас услышат четыре океана, весь мир,
Я на вас подам в Гаагский международный суд,
Что вы хотите проглотить нашу землю,
вампир,
По частям, как колонию свою,
И будет вам пир!

Наделил бог казахов землю щедро,
Теперь не подчинимся ни угрозам, ни
громам,
В ваших глотках застрянет земля, как
цедра,
Камнем в горле встанет глыбой огромной!»

Так Хрущев обиделся на Ташенова,
Но чего ж обижаться, времена уж менялись...
Подготовлено было все вплоть до решения,
Жумабек мог добро дать, тогда б и
обнялись...

И тогда пять больших областей казахских
Оказались бы в подчиненье у великой
России,
Не смогли подчинить их оружием царским,
Одной подписью все б решилось
всесильной...

Так Хрущев не смог отнять у казахов их
области,
Жумабека он костерил, обвинял в разной
подлости,
Стал преследовать, гнать, снял его с доброй
должности,
Хотел так изломать судьбу, сравнять с
плоскостью...

И когда сгустились над ним темные тучи,
Ни один казах не вступился, не заступился,
Тот, кто бегал за ним в дни, когда был
могучим,
Теперь злобно шептали: «Вот тебе,
оступился...»

Не сломался батыр Жумабек, и не сгинул,

В жизни также участвовал, как и прежде,
Кошки, что под печкой грелись, подмигивая,
Не поймут жизни тигра, сомкнувшего
вежды...

И всю жизнь придавали силы ему
Мечты о свободе Алаша, о великой
надежде...

Нам досталась история древняя-древняя,
Много разных легенд, великих преданий.
На суде у великого мудрого времени
Выясняется, кто есть кто в года испытаний.

И Ташенова подвиг стоит особняком,
Он – огонь нашей гордости, нашей чести
пламя.

Он – один вышел биться с могучим
секретарем,

Он – один нашу землю спас для нас с вами...

Если б он, Жумабек, думал лишь о себе,
Мы б, казахи, попали б в великое бедствие,
И лишились бы мощных, как море, степей,
Гор, лесов, озер, рек, кочевий естественно...

Кокшетау, Бурабай, Акмола-Астана,
Кызылжар, Павлодар, Кустанай
Стали б чьей-то землей, и наша страна
Оказался б без Астаны – байтерека
Целинный край.

Лишь судьба приводит к великому подвигу,
Ради Родины жизнь отдать – счастье батыра.
Он пополнил историю, она его помнит,
Этот подвиг высок, он известен всему миру,

Был солдатом партии авторитетным,
Его сердце ради казахов стучало в свой
ритм.

Ташенов – одна из звезд нынче очень
великих,
Ярко в небе свободы горит!

*Баянғали Әлімжанов.
Жұмабек батырдың жұлдызы.
Перевел с казахского Орынбай Жанайдаров.*

КОСМИЧЕСКИЙ КАЗАХ

Поэма

Всевышний создал Землю, Небеса, и
Вечность,
И расселил людей в горах, в степи, в лесах,
У каждого другой язык, другая внешность,
И все глядят, вздыхая, в бездну, в небеса...

У каждого народа путь свой исторический,
Любовь к высоким небесам сильнее голода
и жажды хлеба,
Кричали могиране в небо кличем
истерически,
Шумеры мысленно стремились в небо.

В бессмертных мифах эллины смешали
быль и небыль,
Сожгли Икара, что стремился к Солнцу,
Мы – тюрки – поклонялись Тенгри - богу
Неба,
Волк сизогривый в небо выл, надеясь –
отзовется...

Коня сизого, коня белого - лучших коней,
К звезде Полярной привязали, как к колу,
В фантазиях взлетали в небеса сотни
людей,
Но было небо недоступно, незнакомо, одиноко,
голо...

Луну и Солнце почитали кочующие
степняки,
Детей воспитывали в уважение к Небу.
Душа казаха, как скакун, и быту вопреки,
Во снах бродила среди звезд, страдая
немо...

Горит огонь, очаг пылает, а в юрте есть
тундук,
Куда уходит дым, вращаясь, в небеса,
И тайны космоса мозг будоражат, друг,
Дрожат во время старта космодрома
степные корпуса...

Взлетали многие в степи, не раз слагалась
песнь,

Не раз об этом сообщали торжественную
весть,
За тридцать лет полетов орлов в глубокий
космос,
Хотя б один казах мог полететь бы здесь!?

За каждую ракетой след горячий, огневой,
Космический полет приносит пользу ль
нам с тобой?
И вот настал черед казаха, дождались все
же мы,
Девяносто первый год, тревожный, боевой.

Осталась позади эпоха зависимости, бед,
И победила песнь свободы, что зрела
столько лет,
И положил дитя казахов на теплые ладони
Любимый шар земной, роднее нет для него
планет!
Такое не могло присниться и Аттилле,
Чтоб Землю обозреть, свернешь затылье...

Дождь сплетен каменных утих, грозивший
градом,
И правда в небо вознеслась, она за все
награда.
Навстречу солнцу он идет с открытою
улыбкой
Вчерашних гуннов сын, потомок степных
номадов.

Народ – свидетель героизма великого,
Тохтар,
Ты проложил дорогу в небо, наш дорогой
Тохтар!
И все страдания несчастных, небесных
гордых тюрков,
Твой подвиг возместил, ты дал им
небесный этот дар!

Он силен и миролюбив,
Добр, грозен, ласков и учтив,
Таким он был всегда,
И героизм, наверняка,
У всех героев во все времена,
Был, как у этого степняка!

Ладони крепкие, как лопаты,

А пальцы мощные, как трубы.
Телосложением в два обхвата,
Высокий, внешне даже грубый.

И самолет – сверхзвуковик
На палубу сел точь-точь, впритык...

Вокруг текла морская гладь,
Что иногда бывает гадкой.
Ему еще лететь, лететь,
До полюса... Без дозаправки?

И норы спрятал океан,
Сошлись характерами двое...
Заправка в воздухе... Чьим облакам
Могло привидеться такое?..

Хватает в небе дивных тайнств,
Не дрогнет сердце, пульс - ровный,
Преодолеть барьер пытаюсь,
Готов он, телом тренированный.

Подобен он титану Атласу,
Что подпирал небесный свод!
Почет ему и слава, Первому,
Тем радуется родной народ!

Его прославив, льются в небо песни,
Кочевник побывал в открытом космосе!
А Волков, Фибек, - спутники, не тесно,
И не в обиде они в тесном МКС*...

История была полна обид,
Народы быстро забывают про обиды.
Для дружбы недостаточно орбит?
И где еще дружить, кроме орбиты?

Там, на земле, мы воевали с немцами,
Здесь, в космосе, летим втроем – три брата...
Казах и русский, немец – значит, с песнями
На землю возвратимся мы обратно.

И шлюпка на троих теперь одна,
Точней корабль, бороздящий бесконечность.
А космос – он огромен, тишина
На всех одна, а за бортом – лишь вечность.

А ночью снится степь и аргмак

Тебя несущий к горизонту в невесомость...
Под голову огромный свой кулак
Ты подложил и крепко спишь, на совесть.

И светом радости наполнен разум,
Полет за небо и великая свобода,
Народ и ты, вы совершили разом –
Два подвига – святее нет народа!

Степь называем мы родной землею,
А это горы, реки, ковыли, поля,
В бездонном космосе осеннею порою
Летит твой сын, о, Матушка Земля!

Прекрасны зеркала озер,
Прекрасен птиц взлетевших хор,
Прекрасна степь, простор прекрасен,
Степь тянется до самых гор,

Прекрасен этот дивный мир,
И вдруг в него приходит зло,
Народам вновь не повезло,
Мир смят под черной тучей зла,
Все скрыли пепел и зола!

В бескрайнем небе голубом
Весна цвела, вдруг грянул гром,
Там горизонт сгорел цветком,
Там взрыв принес печаль и зло,
Народам вновь не повезло,
Пятнадцать бесов над землей
Взметнулись пеплом и золой,
От боли взвыл народ земной.

Пришла великая печаль,
Из космоса на нас взгляни,
Зола закрыла степь, как шаль,
Радиоактивность искони...

Руками создан этот ад,
Детьми великого Адама,
В степи испытан «термояд»,
От взрыва сохранилась яма...

О, этот бедный бранный мир!
В него пришли мы и теперь
В нем жить обидно, дыр-квартир
Скорей плотней закройте дверь!

Не обижайтесь на себя,
Все это создали вы сами,
Живите, эту жизнь терпя,
Не голосите... Голосами

И плачами, слезами горькими
Накличете нам новых бед,
Изобретатель бомбы в Горьком
Не спит ночами, сердцем сед...

Изражена Земля – Мать всех...
Когда же кончится злой век?

Вдруг бедная Земля не стерпит
Всех наших подлостей, насилия?
Все многократно терпят степи,
Боль спрятав внутрь, в тело синее...

Прости нас, Мать-Земля, прости,
С пути мы сбились, сбились с ног,
И жизни истины – просты,
Земля – для всех, для всех и бог!

Один ты к цели не придешь,
Лишь вместе выживешь, гуртом.
Разрушит монстр – цунами-дождь
Твой одинокий теплый дом.

О, человечество, тысячелетья
Горишь в войне без смысла, без исхода,
Людей стегая бешеною плетью,
Уничтожая бытие народа.

Раз грабить, так уж грабить до конца,
Играть с судьбой, как на кокпаре с тушей,
А убивать, хоть мать, хоть и отца,
На корм их мухам, на небеса их души!

Таких героев взять бы и на станцию,
В открытый космос, пусть любясь пустотой
–
Вдохнут немного пустоты,
Великое бездушное пространство,
Точнее, безвоздушное – ничто!..

Жизнь только на Земле, даже букашки
Гораздо совершенней пустоты...

Из космоса глядите в мир – и ваши каски
Вам опротивеют... Так истины просты...

И это не простая пропаганда,
От всех болезней вылечит пространство!
Об этом знал мудрец великий Ганди,
Армстронг, вернувшись, принял
мусульманство.

Творец Всевышний! Прими наши покаяния!
А кто не верит, пусть клянет себя.
Который век мы только смерть и кликали,
Забрызгав кровью континент, и боль терпя.

Остановись, о человечество, остановись!
У белых, черных, желтых – кровь одна...
У всех людей – одна на свете жизнь,
Нет превосходных рас, всем равная цена.

В глазах кровавых искоркою бес
Мелькнет, и человек неисправим,
И эскимос, имея в жизни вес,
Себя считает выше белых – херувим!

Я понимаю, что закон природы
Не изменить, и все, что есть – мое,
О равенстве людей твердят народы,
Протоколов подписаны крутые своды,
Но каждый о себе твердит свое...

Не надо попусту сходить с ума,
Что мир наполнен миллиардами людей,
А если б опустела вдруг Земля,
Кому ты нужен будешь, лиходея!

И твой народ не выше всех других,
Не надо унижать людей чужих,
Не превосходят нас другие страны,
И у всех девушки красивы... Странно...

Не надо ненавидеть инородцев,
Тебе ж достаточно твоих уродцев,
Считай себя вершиною, горою,
Ведь все одно – могила тебя скроет.

Вот и не тщись, и, раздувая самолюбие,
Превыше неба быть не сможешь, даже
прыгая...

Все в человеке, приведу сравнение грубое,
Перенапряжешь себя, ногой напрасно
дрыгая...

Не принижай чужих народов место
В истории цивилизации людей,
Доказывая про свое, хоть лопни- тресни,
Но шею береги свою, и не болей...

Зачем чужие горести нам, грешным,
И неужели нет других проблем, забот?
За что нам в подчинение быть, беспечным?
А эти вправду нация господ?

Я – казах, ты русский, он вот – немец,
У каждого родина по своему сильна...
От того, что кто-то там велик, как эскимос
иль ненец,
Не уменьшатся народ твой иль страна.

И причины бед больших – недоразумения...
Мы – казахи, ни над кем не властвовал казах,
Это не от слабости или неумения,
Просто мы устроены именно так.

Сам скажи, а каково это – превосходить?
Подчинять, глушить, топить, гнобить?
Умножая зло, губить других, другого,
Друга будущего, дорогого!

Мы же все на корабле одном,
Наш космический корабль – Земля!
Сдать бы бомбы все на металлолом,
Золотой пшеницей засеять все поля!

Потому не жди от друга, от врага
Подлости, и не печалься зря.
Голову задрав, в небеса гляди, нам дорога
Мирная вечерняя заря.

В сердце не пускай ни горечи, ни зла,
Не накапливай пустых обид,
Поросла травой атомная зола,
В небе вычерчено множество орбит.

В небе проживают ангелы и духи?
Кто они – не знает о них человек,
В небе сила мощная, вере иль науке

Изучать придется их в грядущий век.

Есть к чему стремиться, к красоте, к
гармонии,
Красиво ночью небо геометрически,
Лишь в грозу сверкают яростные молнии,
Да грома грохочут эпично гомерически!

Не кичись богатством, накопленным
имуществом,
Не стремись других подчинить себе,
Среди братьев равных нет преимущества,
Богатство, как хомут, повиснет, быть беде...

Будем воспевать равенство и дружбу,
В жизни нет заманчивей ничего,
Дружба – это здорово, и она к тому же
Среди народов вечное естество.

Мы очень уважаем другие народы,
Особенно тех, кто более нас числом...
И ты к казахам относись по-доброму,
свободы
С добра начинается общий дом!

Не надо угрожающе глядеть на других,
Не надо презирать чужую дорожную пыль,
Мы – все дети Космоса, частички вечности,
И каждый миг складывается в истории быть!

Космос открывает новые страницы
В истории Земли, Луны, Мироздания.
Обняв двух друзей, на степных зарницах,
Тохтар приземлился, выполнив заданья.

Свежие, вольные степные ветры,
Напомнив о себе, с силой загудели,
Небо, Космос – настоящее чудо,
Но лучше всех запахи родной земли!

**МКС – международная космическая станция.*

*Баянғали Әлімжанов. Ғарыш қазағы. 2001 г.
Перевел с казахского Орынбай Жанайдаров.*

СУДЬБЫ НА ТАКСИ

(поэма)

1

Садись же, спутник,
Рассказывай, куда ты держишь путь?
Ты мой ровесник,
А может чуть младше, старше?
Садись, садись...
Что дашь, сгодится денежка на что-нибудь,
Я вижу, твой карман не слишком толст,
Других не краше...

И ты ведь не чужой,
Да, между прочим, все мы - братья,
Готов весь мир обнять я,
Покоя не найдя, надеясь раздобыть
богатство,
Аулы бросив, перебрались вот в города,
Мы – общество таксистов – не беда,
Дорога каменная – наша жизнь и братство.

Такси!
Такси!
Кричим с обочины мы каждый день,
А не кричишь, не заработаешь тупой
копейки.
Никто не любит суеты и копошений мелких.
Поймешь когда-нибудь,
Что все мы – жизни отраженье, ее тень,

Бывает, что поспоришь с пассажиром ради
денег,
А иной раз так довезешь бесплатно,
Кто зарабатывает, тот ведь не бездельник,
Но человечность не продажна, вот и ладно.

Не ставь в вину,
Что стар автомобиль,
Не то, чтобы железо,
Стареет сердце, устают и настроенье...
За жизнью сладкой я гоняюсь,
Дорог глотая пыль,
Чтоб жизнь в корне изменить и непременно.
Чтоб сократить дорогу,
Заведем, что ль разговор,
Тогда послушай мой рассказ, попутчик
временный.

Кто только не садился,
И кто не ездил в такси со мной,
Такси для многих лучше, чем свой дом,
Расскажет правду о себе любой,
То, что другим не сообщит притом.

Возил я важных и напыщенных господ,
Что не хотят платить, сжав кулаки, и не
проси.
Возил и тех, кто убегал из-под... вот-вот,
Мужниных криков и проклятий прочь в
такси...

Вот из чужих домов бегут мужчины,
Проклятья вслед, измене есть причины.
Бегут и женщины, размазав краску на лице,
В такси расскажут о муже-подлеце,

Вот молодая со стариком седым
Связалась ради денег, не иначе,
Сквозь зубы цедит сигаретный дым,
Смеется или плачет?..

Мы видели и тех, кто в сильной спешке,
Готов был заплатить таксисту
Больше таксы втрое,
И в даль стремился укатить, не мешкая,
Потом благодарил, словно героя,
И деньги грудой отдавал,
Купюры сверху нормы клал...
Бывает и таковская история...

Однажды
Подсела девушка одна,
Тиха, скромна...
Слегка пьяна...
В зубах пылает сигарета,
И сразу видно кто она,
И что за штучка эта...

Полные щеки,
Красива всяма,
Молодая стерва,
Гибкая, как стерлядь,
Разговор начала сама.

Человек – интересен,
Чем бы не был занят он,

Начнет вдруг с песен,
Или устроит крик, трезвон,

Все расскажет таксисту,
Незнакомому человеку, вообще-то...
И я не пойму простой истины,
Почему происходит это?!

«Агай* - сказала она, -
Вы не смотрите на меня строго,
О чем вы думаете, глядя на дорогу?
Вы принимаете меня за родственницу -
сестренку,
Наш народ любит родственников найти...
Жизнь - материя очень тонкая.

Я многим простила,
Там где нельзя людям простить,
Я уже остыла,
Я сыта людьми,
И жизнью жестокой.
Я – вольная птица, я – гулящая, и это не
тайна,
Одна из тех, кто на улице Саина...

Для денежного мешка
У нас все готово, ведь так,
А для бедняка –
Бедность, сумасшествие, пропади, мурак.

Такое время
Властвует над нами, научило,
Мы – невезучее племя,
Ради денег
Все продай, что есть,
Отдай и совесть и честь!»

Тут я, хмыкнув, прервал ее:
«Как жить без чести,
Это очень не хорошо!»
Она промолчала,
Окуталась дымом,
Даже всхлипнула еще...
Внутри нее что-то екнуло, е-моё,
О чем задумалась, приключение ты мое?..

Тут вдруг сказала:
«Я приехала, куда мне надо...»

Вышла из машины лениво,
Неуверенно стоит на ногах, не крепко...
Я тоже вышел, ожидая свою оплату,
Она глаза подняла,
Засмеялась, воззрившись на меня.
«Нечем мне заплатить, нет у меня и слепой
копейки,
Если хочешь – возьми натурой – вот она я!..»

Тут она уперлась руками в капот,
Юбку задрала,
Подготавливая «заход»,
Я испугался,
Это что еще за чудеса,
Даже отшатнулся,
Надеясь, что одумается эта коза...

Она стрельнула словами,
Как из пулемета,
«Нет у меня ничего, все, что есть, возьми.
Мы все продаем кому-то кого-то иль что-то,
Ты продаешь такси,
Я же – себя, за сладостный миг...»

Стоит, не стесняясь ни темноты,
Ни округи, ни ясной луны,
Соблазняет...
«Так подготовься, действуй, что ли...
Не каждый день такое бывает,
В том нет твоей вины,
Да и кто откажется, оказавшись поневоле,
Один на один...пойми,
Ну, если не можешь...
Тогда все ясно,
Пойду! »

У женщин много всяких приемов,
Хитростей разных не мало...
Задела гордость мужскую выходка эта,
Я вдруг вскипел...
И вступил в сражение это, прекрасное где-
то...

Когда я пришел в себя, огляделся вокруг,
Взял себя в руки, стал таким, как и прежде...
В темной ночи исчезла девушка вдруг,
Я же остался один – разорван круг,
Я ж говорил ей о чести, о совести,

Как же я сам вступил на путь без надежды...

Это есть жизнь,
Тысячи случаев, скользких путей,
Несчастную душу, как муху, гоняет черт.
Ты ровным путем идешь, и тут вдруг вот,
Собьет тебя с истины
Кучей невысказанных затаенных.

И не дает мне покоя до сих пор,
Будто я насильник какой или вор,
Душу гложет, грудь раздирает, до самой
крови,
Мнится мне призрак девушки той,
Исчезнувшей, шатаясь, в темноте ночной...
Вот такой случай,
Не простой....

**Агай – обращение к старшему.*

2

Итак, мой путник...
Ехать нам, похоже, еще долго?
Ты внимательно слушай мои слова.
Если не высказаться,
То не сократится эта дорога,
Если не высказаться,
Несчастное сердце не разорвется едва.

То да се...
Машин на свете больше людей,
Так и норовят въехать тебе прямо в бок...
Сев на иномарку, мы довольны, достигнув
мечты своей,
Импортом старье покупаем, влезает в долг.

Хоть и старенькая, но мчится быстро моя
«Тойота»,
Ее не обгонит ни волшебный конь - тулпар,
Не жеребец,
Ни атан-верблюды.
Такое время...
Иначе разве бросил бы на рынок кто-то
Эту «Тойоту»,
Из какой страны,
Откуда ее пришлют?..

Кто-то скажет так,
Другой - все поймет иначе.
Сами себе сейчас оценивают правду люди.
Похоже, ты недавно приехал, за удачей,
Рот – один,
Ушей – двое,
Слушай, с тебя не убудет.

Человек взлетел,
До Луны добрался, собрался на Марс,
С человеком компьютеры соперничают в
счете...
На черном асфальте случалось всякое, много
раз
В историях разных я побывал при моей
работе.

Однажды под села ко мне женщина с
множеством сумок,
Видно, отоварилась, с базара набрала вещей,
Села-расселась свободно,
Даром, что с шумом,
Вздохнула, отерла пот со лба,
Непосредственная, простая, вообще...

«Свадьбу скоро сыграю, -
Сказала она – моя первая радость!
Бог мне дал сына и дочь, я счастьем горю...
Таких детей, такое счастье и сладость
Нет у других на земле, я говорю!..»

Их отец умер очень рано,
Не хуже других я их вырастила, подняла,
довела...
Сын вдруг сказал, что хочет жениться...
Тем залечил мои раны...
Дома сидеть я не смогла,
Свои начала делать, значит, дела.

Вот и решила поделиться радостью
С вами, с людьми...
И теперь бегаю,
Будто в огне горю...
Чтоб провести, как должно, долгожданный
праздник,
Пять миллионов в банке взяла кредит,
говорю...»

Душой открыты,
Сверкают, как солнечный восход,
Наши казахи добродушны и наивны,
Не обменяю их ни за что на другой народ,
Золотом осыпьте,
Не откажусь от степняков моих дивных.
Раз встрепенулся,
Так и рассыплет сотню щедрот,
Вот и женщина эта сидит,
Говорит,
Тарахтит невинно...

«Чтобы соседи не смеялись, не болтали лишнего,
Чтобы завистливые люди подавились злобой своей,
Все собрала,
Подытожила,
Чтобы родственники про все слышали,
Всех превзойти хочу на этой свадьбе детей,
Звезд приглашу, чтобы пели лучшие песни,
Все деньги потрачу-растрачу, хоть ты тресни!»

Наш народ чист душой и мыслью возвышен,
Но не гневите гордыней бога, природу,
Она так возбудилась,
Что чуть не пробила у машины крышу,
Наконец-то, вышла, говоря громогласно и гордо.
Шумная женщина добралась-таки до цели искомой,
Сумку за сумкой извлекла, понесла до дома.

Я покачал головой этой женщине вслед,
Бывает всякое,
Дочь – уйдет к чужим, сын – прекрасный семьи оплот.
Но вот зачем же влезать в долги на несколько лет?
Как ни говори, не понимает этого наш народ.
Возьмут кредит, и всю жизнь платят его,
Ярмо на шее, и за душой ничего!

Да и ладно...
Домой приехал к вечеру,
Дети, семья,
То да се,

Чаю попил.
Телевизор включил, все равно ведь делать нечего,
На одном из каналов женщина та...
Я про нее вам говорил...

Только нет в ней прежней энергии, прежней прыти,
Погасли очи,
Не сверкают, как раньше огнем.
Девушка-корреспондент рядом с ней, поймите,
Рассказывает о происшествии, что было днем.

Помощи у ТВ
Просит бедная женщина,
Плачет – рыдает,
Ей слово дали, она в голос кричит,
Пять миллионов тенге,
Что на нее были навешаны,
Она потеряла,
Вот чем обернулся проклятый кредит...

Квартиру она заложила на эти деньги,
Теперь ни денег,
Ни жилья,
И ни свадьбы.
Слезы льет, в голос ревет,
Обращаясь к людям, бедная, серьгами тенькая...
Не помнит, как потеряла, видно сразу, не врет...

Просит телезрителей,
Пусть вернут за вознаграждение,
Если кто найдет ее потерю,
Она щедро вознаградит.
Надежда еще в ней жива, еще в эти мгновенья
Она живет, во что-то верит,
Не оборвалась надежды тонкая нить...

Но кто в наше время возьмет и вернет такую сумму?
Она себя обманывает перед всеми...
Разговор закончен, экран погас, как будто умер...
Я в негодование пришел,

Разгневался сильно... Крапивное твоё
семя...

Кровь закипела, я был зол, словно вулкан:
«Зачем тебе нужен был этот проклятый
кредит.

Теперь лишишься всего, кредиты – это
обман,

Бесплатен лишь сыр в мышеловке, и тот -
смердит...

Нет счастья тем,

Кто хочет быстро разбогатеть,

Эй, ты, дура! За волосы б тебя оттаскать!

Мода,

Мода

Жить богато, во всем успеть,

Куда мозги твои успели улететь,

Где была голова твоя?

Ну что за тоска!

Ты же прекрасно знаешь цену этой жизни,

Разве трудностей не было до этого у тебя?

Сколько ни говори, не слушаетесь,

Оттопырив губу капризно,

Делаете все по-своему, для себя... Под
себя...

Ты же хотела, все, что накопила

Раздать-расшвырять...

Швыряй теперь...

Тебе, женщина, так и надо, за что купила,

За то и отдашь,

Все теперь потеряешь, уж мне поверь.

Ты нашла, что искала, и таких, как вы,

Жалеть не надо, и потому

Одна останешься, на устах у злой молвы,

Без подруг, без друзей,

Того и гляди, угодишь в тюрьму!

Кое-как я себя успокоил, себя за волосы
оттаскал,

На следующий день отправился на работу,

Обшарил машину свою, всю обыскал,

От багажника, понимаешь, и до капота...

Вижу, лежит мешочек под сиденьем задним,

И что тут скажешь

На злосчастную эту судьбу...

Видно ногой задвинула в угол, дура, да
ладно...

Да и забыла про эту самую дорогую дорбу*.

**Дорба – мешочек.*

Я мешочек открыл...

Пачками пять миллионов!..

И считать не надо...

Банковские... Обсчитаны. Черт возьми!

Деньги лежат, хозяина ждут «пять лимонов,

Кто найдет, тот и хозяин перед людьми!..

Я взволновался...

Мысли скачут в голове, как жеребцы...

Я деньги спрятал, и поехал по своим делам...

Вот как хорошо,

Можно взять судьбу под уздцы,

Можно найти примененье этим деньгам...

Вороватый голос мне тихо шепчет
замысловато,

Чужими деньгами не дойдешь до своей
мечты...

Что с тобой будет?

Стыд в душе говорит виновато,

У людей же беда, а ты тут при чем?

Разве ответственен ты?

У человека – беда,

Хоть она не из твоего рода,

Целый день ездил то туда, то сюда.

На телевиденье узнал адрес, ну ты, морда,

Сидит дома бедная, бледная,

Будто ждет смертного суда...

Сама себя клянет, прокликает,

Ничего не видит, чего говорит и что ест, не
понимает...

Увидев меня, почуяла что ли, поняла ли,

Как с неба свалился,

Или вынырнул из под земли...

Двумя руками схватила деньги, обняла ли,

Глаза блуждали и ничего понять не могли...

Долго так сидела, приходя в сознание,

бедная баба:
«Один лишь скелет от меня остался,
Как не умерла?..» –
Произнесла голосом очень слабым,
Заплакала, облила слезами мешочек, –
Такие дела.

Наконец, пришла в себя,
Засверкала очами, поблагодарила,
Белоснежный платок,
Завернув в него перстень, мне подарила.
«Братец мой родной!» –
Меня назвала, до автомобиля сама
проводила.
Поцеловала, и я ее чуть коснулся веком...
И полетел, как птица, вновь обретшая
крылья,
Какое счастье почувствовать себя человеком!

3

Эй, мой спутник!
Заболтался я, похоже,
Что же делать,
Если грудь полна речью,
Не подумай, что болтун я, спаси нас боже,
Сыт, обут, одет, нет проблем
Иль бытовых противоречий.

Наши жизни интересны и трудны,
Не клянусь судьбу,
Были солнечные дни, были грозы и ливни.
Эта вот дорога – моей жизни длинный путь,
Еду я по ней
До последней, значит, линии.

Я ведь тоже выделялся
Из замкнутого круга...
Получил образование высшее...
Я один из тех специалистов, кто неспроста
Скот пяти аулов собирал в округе,
Разводил четыре разновидности скота.

Скот ревет,
Хоть считай его поштучно, или не считай,
В пастбищах не помещался, выходил за
край,
Но чудовищем, сжиравшим все подряд,

Рынок вдруг явился
В наш несчастный край.

Сколько было преступлений и
злоупотреблений
В наших-то аулах,
Всего не сосчитать,
И наш скот, стада и косяки, в мановение
мгновений
Превратились в дым и пепел,
Сгорели от тоски...

Потерял сознание, впал в депрессию народ,
Сколько лет мы собирали аульное
богатство...
Все ушло, словно в песок вода, так все
течет,
Развалились вмиг колхозы,
Вот ведь гадство...

И народ остался горевать в степи,
Ну а мы родимый дом развалили...
И ушли, как псы,
оторвавшись от цепи,
В города ушли, жизнью беженцев зажили...

Брали в долг и в кредит у хороших людей,
Пояса затянули,
Окунулись в мир рыночный, странный,
Стали предпринимателями, мир этот лихий,
Чем вы думаете,
Торговал я рыбой, привозя ее из Зайсана.

Так ли, сяк ли,
Освоили, значит, рынок, тогда
Были трудности, были вещи весьма
интересные,
Иногда прибыль шла, как весною вода,
И журчала,
Утоляя жажду, текла, как могла,
Разливалась широкою песнею.
Мы старались,
Все вкладывали во имя труда,
И вот выправились,
Встали на ноги, мы - бизнесмены известные.

Да, везло нам,
Наладили нужное дело,

И идеи
Оттуда, отсюда шли к нам,
Но везенье не всегда, как хотели,
Иногда – ничего,
А иной раз – деньги мешками, счета нет
мешкам...

И везенья час
Вдруг пришел и ко мне,
Зацепилось одно за другое,
И пошло мое дело по всей стране,
Да что там страна,
Оказалось оно – мировое!

И как будто широкий проспект перед нами
Вдруг открылся,
Посыпались деньги дождем,
Одно дело с другими сходилось делами,
И идеи сплетались
В направленье одном.

На весь мир рассказали, чтоб поверил он
нам,
О нашей удаче,
О том, что мы есть,
До сих пор в ушах моих эхо тех реклам,
Сообщений, и музыка, сладкая, складная
песнь...

Стали первыми,
Вышли вперед...
Но, однако,
Оказалось обманом
Счастье казаха...

Слушай, путник!
Ты внимательно слушаешь,
Это мне нравится,
Благодарному слушателю особый почет...
Во вранье нету пользы ни на медный грош...
Никому не рассказывал, и тут не совет
Твой водитель, знаю, ты все поймешь.

Все пустое,
Бренное,
И это не просто красивое слово,
А на самом деле ведь так.
Для кого-то существуют условия,

Для других их нет никаких, и ни как...

Собирался я выехать из гаража...
Вдруг – удар,
Схватили меня, потащили,
Как козла на кокпаре, какие-то люди...
Притащили, бросили, не пощадили,
Без суда, без следствия, не объяснили
Почему, зачем, что с о мною будет...

Была группа их, кто в форме, кто-то без
формы...
Когда я в себя пришел и глаза открыл,
Надо мною нависли несколько рыл,
Главный был в генеральской форме.

Подчиненные генерала здоровые бугаи,
Вида страшного мордovorоты.
Понял я, что дни сочтены мои,
Но кому умирать-то охота?..

Зубы в золоте,
А глаза холодны у генерала,
Начал он говорить,
Так, наверное, волк произнес свое: «Что ж,
Вот, дела твои плохи,
Ты уж понял все по началу,
Подчинишься мне,
Или же тут же на этом месте помрешь.

Ты сейчас распишешься
На бумагах, что тебе дадут,
Нам отдашь весь свой бизнес,
А иначе тебе «капут»,

Мы оставим тебе квартиру,
Машину, семью не тронем,
Будешь жить, как все в мире,
Но от бизнеса – посторонним...

Подготовим бумаги,
А ты пока здесь полежи,
Наберись «отваги»,
Обдумай все, не спеши.

Через несколько наших дней
Мы вернемся к тебе, все решим.
Под охраной наших парней

У тебя закрытый режим...

И ушли они,
Генерал и парни его...
Они гору б могли
Опрокинуть, такая в них сила.
Сапоги их гремели по железному полу...
У меня же не останется ничего...
Я для них меньше пешки –
Со мной поступили так подло.

Уходя, посмотрел он
Насмешливо на меня,
И поправил картуз
С генеральским околышем, с венчиком...
Я же в страхе лежу,
В доме темном ни окна, ни огня,
В темноте нахожусь, бедным птенчиком...

Так прошло много дней...
Матерился я, плакал, рыдал...
Это ж подлый налет,
Захватили неожиданно, врасплох...
Много раз приходили они,
Но я не подписал
Ни единой бумажки,
Хотя стал уж здоровьем плох.

Как бороться с той мафией?
Как коррупцию победить?
Не поможет здесь магия,
И сил таких не нажить.

Стал слепым, словно крот,
В темноте один.
Как семья моя?
Что в стране?
Кто-то ищет меня?
Знает кто обо мне?

Что творится на божьем свете?
На несчастной этой планете?
Кто за это ответит?
И в один из дней
Вновь пришел генерал,
Было дело, кажется, в декабре...
Преодо мной бросил кипу бумаг.

«Время вышло твое, понял?
Я тебе вовсе и не враг...

На работе тебя не ищет никто,
А семью твою не слышит никто.
Объяснили народу,
Что ты сбежал,
Стырил много денег,
И за кордон...
В общем, ты на свободе, -
Генерал тут заржал, -
Обладал чувством юмора он.

Мы домашним твоим сказали,
Чтоб они тебя не искали,
Что объелся ты до отвала,
За границу убег с младшей женой,
Ведь покоя тебе не давала,
Пока ты не расстался с родною страной...

И теперь каждый день проклинают тебя
Твои дети родные и любимая жена...
Ты же тут лежишь, униженья терпя,
Что ж, кричи, вопи... Какого ж рожна...

Мы все сделали, как положено, как оно есть,
Никто не узнает, умником окажись,
Напоследок скажу:
«Подписывай, сохрани свою честь,
Отдай бизнес, обменяй его на свободную
жизнь!

Твоя жизнь, твой быт
Никому не нужны, мы все сотрем.
Кто кого нынче ищет? Ты уж всеми забыт.
Как подпишешь, свободу тебе вернем!..»

И тогда я сломался,
Все подписал,
От всего отказался,
От денег, от бизнеса,
Все отдал, про себя проклял их,
Но что просили, все отдал,
Пожелал на них кризиса...

Стал я бедным, как все, но живым,
Буду рядом с детьми, с женой...